

Солист 48-го полка

Большой театр. — 1995. — 10 февр. (№ 4).

Сегодня уже трудно вспомнить о Великой Отечественной — из памяти ушло немало. Но что-то забыть невозможно и хочется рассказать об этом в нашей газете.

В 1941 году мне было 17 лет. После окончания Рязанского аэроклуба я получил направление в школу пилотов-истребителей в Тернополе на Украине, где меня и застала война.

На рассвете, 22 июня, большая группа немецких бомбардировщиков внезапно начала налет на Тернополь, бомбили и казармы нашего училища, и учебный аэродром. Таким было первое боевое крещение... А вскоре меня зачислили в 48-й авиационный имени Богдана Хмельницкого Краснознаменный полк с которым я прошел всю войну: бои на Северном Кавказе, Тамани и в Крыму. Затем — Второй Украинский фронт, где в составе Четвертой воздушной армии мы участвовали в Яско-Кишиневской операции, бои за Будапешт, Вену, Прагу, освобождение Югославии. Закончил войну наш полк в Чехословакии, но не 9, а 12 мая. Мы добивали армию Венки и совершили еще 6 боевых вылетов.

Командование наградило меня медалью «За отвагу» и боевыми орденами.

В свободное от полетов время, по слуху учился играть на трофейном аккордеоне, голосом меня надела природа, я играл и пел народные русские и украинские песни, песни фронтовых лет — «Смуглянка», «Соловьи» и другие. Меня тогда прозвали солистом 48-го полка.

Война закончилась, а тяга к пению осталась, и вот я без про-

фессиональной подготовки поправовался в Киевскую консерваторию и был принят в класс профессора А. Гродзинского. Солистом Киевской оперы я стал еще в студенческие годы, где за короткое время спел партии князя Игоря, Султана («Запорожец за Дунаем»), Евгения Онегина.

В 1953 году меня перевели в Большой театр и постепенно я начал входить в новый репертуар. Пел самые разные партии: Альберта в «Вертере», Маркиза в «Травиате», Альфио в «Сельской чести», Гюнда и Второго корабельщика в «Салтане», Эскамильо, Мизгиря, Грязного, Эбн-Хакиа, Шакловитого, Веденецкого гостя, Демона, вернулся к Князю Игорю.

Мне, вчерашнему фронтовику, в театре очень помогали, и я хочу добрым словом вспомнить дирижеров Е. Светланова, В. Небольсина, Б. Хайкина, М. Жуко-

ва; режиссеров — Н. Глан, Л. Баратова, Р. Захарова.

В оперной труппе, кроме меня, были и другие участники войны, прошедшие фронтовыми дорогами. Среди них — Филипп Пархоменко, обладатель замечательного драматического тенора, самородок, безвременно ушедший из жизни. Он так же, как и я был военным летчиком-штурмовиком, отмеченным пятью боевыми орденами. Мы дружили, часто пели в одних спектаклях, например, в «Кармен»: он — Хозе, я — Эскамильо. Филипп не успел получить после войны вокального образования, но егь взяли в Большой из-за яркого выдающегося голоса редкого тембра. Характер у него был сложный, а прямота суждений не всем нравилась. Жаль, что он не поехал учиться в Италию — именно таких нужно было направлять на обучение и, думается, Филипп мог бы стать певцом мирового класса.

Такими как Филипп Пархоменко были многие бывшие фронтовики — славно воевавшие и отлично работавшие в мирное время. Они не получали званий, но выше всего ценили собственное достоинство и презирали угодничество.

Скоро мы будем отмечать 50 лет со дня Великой Победы. Мои наилучшие пожелания всем участникам войны — благополучия, побольше здоровья. Вечная слава тем, кто воевал и вечная память тем, кто не вернулся.

Ю. ГАЛКИН,
ветеран оперы, участник
Великой Отечественной войны,

Ю. Галкин—фото военных лет.